

в каждой семье. Берите сколько вам угодно! Если же является опасение, что воды в Париже не хватит, как это бывает во время сильной жары, компании очень хорошо знают, что достаточно выпустить предостережение в нескольких строках в газетах, чтобы парижане тотчас же, без всякого закона, сократили свое потребление воды и не тратили ее попусту.

Но что сделали бы, если бы воды действительно не хватило? Тогда прибегли бы к распределению ее в ограниченных количествах. Это - такая естественная, такая понятная мера, что во время двух осад Парижа в 1871-м году два раза требовали ее применения ко всем жизненным припасам - «Le rationnement» - «Все по порциям», - требовал тогда рабочий Париж. Стоит ли входить в подробности, описывать, каким образом эта мера могла бы действовать, доказывать, что она - справедлива, несравненно справедливее всего, что существует теперь? Эти подробности и эти описания все равно не убедят тех буржуа - и, к несчастью, не только буржуа, но и обуржуазившихся рабочих, - которые смотрят на народ, как на стадо дикарей, готовых тотчас же перегрызться, как только правительство перестанет охранять их своим бдительным оком. Но всякий, кто хоть когда-нибудь видел, как народ решает свои собственные дела, особенно когда над ним не тяготит палка исправника и податного инспектора, ни минуты не усомнится в том, что раз только народу будет предоставлено распределение продуктов, он будет руководиться в этом деле самым простым чувством справедливости.

Попробуйте сказать в каком-нибудь народном собрании, что жареных рябчиков нужно предоставлять избалованным бездельникам из аристократии, а черный хлеб употребить на прокормление больных в больницах, и вы увидите, что вас освищут. Но скажите в том же собрании, проповедуйте на всех перекрестках, что лучшая пища должна быть предоставлена слабым и прежде всего больным; скажите, что, если бы во всем городе было всего десять рябчиков и один ящик малаги, их следовало бы отнести выздоравливающим больным, скажите это только.

Скажите, что за больными следуют дети. Им пусть пойдет коровье и козье молоко, если его не достает для всех. Пусть ребенок и старик получают последний кусок мяса, а взрослый, здоровый человек удовольствуется сухим хлебом, если уж дело дойдет до такой крайности. Скажите, одним словом, что если каких-нибудь припасов не имеется в достаточном количестве и их приходится распределять, то последние оставшиеся доли должны быть отданы тем, кто в них более всего нуждается; скажите это, - и вы увидите, что с вами все согласятся.

То, чего не понимают сытые господа, отлично понимает и всегда понимал народ; но и сами пресыщенные, если они завтра окажутся на улице и придут в соприкосновение с массой, поймут это так же хорошо.

Теоретики, для которых солдатская казарма и солдатский котелок составляют последнее слово науки, потребуют, вероятно, немедленного введения национальной кухни и общей чечевичной похлебки, ссылаясь на то, сколько топлива и провизии можно выгадать в огромной казарменной кухне, откуда каждый будет получать свою порцию похлебки и хлеба.

Мы, со своей стороны, и не отрицаем этих преимуществ. Мы знаем, как много топлива и труда сберегло человечество, отказавшись сначала от ручной мельницы, а затем и от печи, где каждый пек свой хлеб. Мы понимаем, что было бы экономнее сварить сразу щи на сто семейств, чем разводить для этого сто отдельных огней. Мы